

УДК 808.2–085

Т.Г. МИХАЛЬЧУК

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СПЕЦИФИКА ВРЕМЕНИ

Г.О. Винокур указывал на то, что для революционного времени было естественным “повышенное эмоциональное отношение к речевым вариантам” [1, с. 125].

Ф.П. Филин отмечал, что после революции 1917 года начался довольно интенсивный процесс “перераспределения” стилистических оценок, орфоэпических, грамматических и лексических [2, с. 13].

Для художественных произведений первого послеоктябрьского десятилетия характерно непосредственное проявление стилистической нормы в ее социальном осмыслении.

Материал художественных произведений является объективным свидетельством языка эпохи. “Не следует вообще отказываться от анализа речевых оценок в художественных произведениях: писатель как бы фотографирует речевую жизнь народа, и подмеченное им (а не взятое из вторых рук – из словарей, статей, как нередко бывает у неопытных писателей) имеет не меньшую ценность, чем непредумышленные оценки самими говорящими” [3, с. 245].

Резкая дифференциация в восприятии новых социально-стилистических норм разговорного общения хорошо прослеживается, по мнению Т.Г. Винокур,

на примерах таких его устойчивых “ситуативных шаблонов”, как приветствие, извинение, обращение и т.п. [4, с. 77].

Обращения являются одной из тех областей, где говорящие более всего реагируют на различные изменения в обществе и наиболее критически оценивают употребляемые ими языковые средства. Уже в художественных произведениях писателей 19 века нередко встречалась ситуация “несогласие с обращением”, например: Позвольте-с, почтеннейший, – перебил его предводитель. – Прежде всего, не называйте меня превосходительством. Прошу-с! (А. Чехов. Упразднили). – Ты сегодня едешь? – Сегодня. – Лаврецкий присел на низкое стульце. – Я уже с Марьей Дмитриевной простился. Я и Лизавету Михайловну видел. – Зови ее Лизой, отец мой, что за Михайловна она для тебя? (И. Тургенев. Дворянское гнездо).

Октябрьская революция обострила в языковом плане проблему обращения и титулования. Старая система обращений оказалась неприспособленной к новым условиям. В связи с отменой в революционном порядке старых классовых и сословных званий и, соответственно, титулований происходит перестройка этой системы.

Революция изгнала из повседневного словоупотребления не только титулы и звания, но и подобострастное обращение к лицам вышестоящим, чем подчеркивалось общественное неравноправие сословий в царской России. Были отменены обращения ваше сиятельство и ваша светлость (так титуловали графов, князей и светлейших князей), ваше превосходительство или высокопревосходительство (титулы генералов, военных и штатских), ваше благородие или ваше высокородие (обращение к лицам офицерского звания).

Особый интерес вызывает тот факт, что после Октября исчезли не только вокативы сословно-иерархического характера, но также атрибуты снисходительно-ласкового обращения высших к низшим (голубчик, братец и т.д.) [5, с. 93].

Так, вокатив “фамилия” стал частой формой обращения в официальной обстановке к вышестоящему, что не допускалось в условиях дореволюционного общества: – Слушай, Левинсон... – начал Морозка. – У меня просьба к тебе... (обращение рядового к командиру) (А. Фадеев. Разгром). В рабоче-крестьянской среде полная и сокращенная форма имени чаще стала употребляться в семейной и дружеской сферах общения, а в социально-бытовой предпочтению отдавалось моделям “товарищ + должность/чин” (вместо господин + фамилия, господин + должность/чин): – Что вы хмуритесь, товарищ Корчагин? (Н. Островский. Как закалялась сталь).

Старые формы титулования получили в речи молодежи, революционно настроенных масс ироническо-презрительный оттенок, например: – Блоха? А-а! Так я блоха? Ну, хорошо. Я вам покажу же! Если вы не понимаете товарищеского отношения, я вам покажу! Молчать! – Молчим-с, ваше сиятельство, – почтительно проговорил Громоносцев. – Мы всегда-с молчим-с, ваше сиятельство, где уж нам разговаривать (Г. Белых, Л. Пантелеев. Республика Шкид).

Старые формы титулования употребляются в художественных произведениях 20-х годов и в высоком смысле, по отношению к трудовому народу: [Председатель] Перед кем хвастаешься? [Высокий парень] Перед его высокородием – токарем по металлу (В. Билль-Белоцерковский. Шторм).

А. Баранников в статье “Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы” [6, с. 25] отмечал “У разных классов в разных направлениях развиваются значения старых слов. В кругах рабочих, крестьян и солдат вскоре после революции слова: **барин**, **барыня**, **господин**, **госпожа**, если не исчезли, то стали ругательными. Слово “**буржуй**” стало у крестьян на Украине, по крайней мере, в некоторых уездах Полтавской губернии, равнозначно слову “вор” и

считается очень ругательными, за легкомысленное применение его волостной суд наказывал". Приведем пример из художественного произведения: Мать беспокойно перебила его речь: Вот придет она, барыня-то, и будет ругать меня за то, что ты говоришь... – Она не барыня, а – революционерка, товарищ, чудесная душа (М. Горький. Мать).

По наблюдению А. Баранникова, не разделило, однако, судьбы слов барин и барыня слово барышня. "Интересно отметить, что совершенно особый от них путь проделывает значение слова барышня, которое не изгоняется из большинства словаря, а означает только незамужнюю особу". Употребление этого слова привлекло внимание и другого языковеда – С.И. Карцевского: "Слово барышня прежде всего в устах прислуги было обозначением, а также и обращением к девушке из более высокого круга, теперь оно получило новое применение: так называют прислугу в кафе и ресторанах" [7, с. 14]. По свидетельству А.М. Селищева [8, с. 132], "барышни остались в канцеляриях, у касс".

Однако старая "закваска" семантики этого слова как обозначения девушки высокого социального положения по отношению к говорящему (обращающемуся) повлекла в конечном счете перемещение слова в группу слов с отрицательной или иронической субъективной оценкой. Интересно отметить, что в настоящее время слово "барышня" уже разделяет судьбу родственных слов "барин" и "барыня". "Являясь историзмом в своем первоначальном значении (незамужняя дочь барина), в современном употреблении оно обозначает "изнеженную, неприспособленную к труду девушку" [9, с. 140].

Но есть и другой современный оттенок этого обращения, оттенок «взрослости», ср. обращение к девочке: "Ты уже совсем барышней стала".

Из наших примеров видно, что уже в предоктябрьский и позже – послеоктябрьский период – обращение "барышня" отклонялось революционной молодежью: Да уж не спутаю, будьте спокойны, барышня... – Я не барышня, покраснев, сказала Хлопушкина. – Ну, гражданка (А. Фадеев. Последний из Удэге).

Виктор Алексеевич вздохнул и потер пальцами лоб. – Подождите здесь, барышня. Я сейчас оденусь и согрею чайник. Клепка стукнула рукой по столу. – Не смейте обзывать меня барышней! Называйте просто по фамилии – Камбулина, если слово "товарищ" вам как волдырь на губе (Л. Сейфулина. Налет).

Социально-стилистическое переосмысление вокативов создавало почву для вокативного несогласия (несогласия с обращением в диалоге). Анализ художественных произведений первого послеоктябрьского десятилетия показывает, что для общения тех лет сравнительно частой и характерной стало явление отклонения по идейным мотивам старых или новых форм обращения. Представители враждебных революции классов пользуются старыми формулами титулования, будучи вообще настроены на сохранение старых порядков, сознательно учитывая их противоположность новым формам, другие используют их по привычке. Приведем примеры: [Швач:] Ваше благородие, ваше благородие. – [Штубе:] В чем дело? Да не тычься высокоблагородием. Услышат. (Б. Лавренев. Разлом). [Помещик:] Милостивый государь! – [Балаболов:] Какой я "милостивый государь!" Я служу в победоносной Красной Армии! – [Помещик:] – Извиняюсь, товарищ... (А. Серафимович. Именины в 1919 году). – Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду, – перебил его наставительно Филипп Филиппович. – Во-первых, мы не господа, – молвил наконец юный из четырех, персикового вида (М. Булгаков. Собачье сердце).

Особое место среди многочисленных форм обращения занимает слово "товарищ" в новом значении, характеризующем отношения людей новых советских убеждений. До первой русской революции это обращение бытовало преимущественно в революционном подполье.

В период активизации революционной борьбы в России оно употреблялось в речи революционеров по отношению к соратникам, что было свойственно партийной этике большевиков. Например: Снова раздался звучный голос хохла: – Э, вы еще молоды, *товарищ*, мало луку ели! (М. Горький. Мать).

В 1906 году М. Горький писал: "... в эту трудную, печальную жизнь, пропитанную горечью унижений, было брошено простое, светлое слово: *товарищ*! Когда это слово вросло в сердца рабов – они перестали быть рабами..." (М. Горький. Товарищ!).

Во время и после революции регулятив *товарищ* сочетался с именем того или иного человека. Это объяснялось условиями революционной борьбы. Например: – Что же, прощай, *товарищ Рита*. (Н. Островский. Как закалялась сталь).

В первые годы Советской власти на смену традиционному вежливому обращению по имени-отчеству как в официальной, так и в неофициальной обстановке пришло обращение *товарищ + фамилия*: – *Товарищ Корчагин!* *Отбросьте буржуазные условности, ложитесь-ка вы отдыхать*, – шутливо сказала она (Н. Островский. Как закалялась сталь).

Новые "пролетарские" правила этикета нашли отражение и в отношениях мужчины и женщины. Показателен диалог героев Н. Островского: ... Сережа неожиданно для себя спросил: Почему, *товарищ Рита*, мне всегда хочется тебя видеть? Устинович остановилась: – Вот что, *товарищ Брузжак*, давай условимся в дальнейшем, что ты не будешь пускаться в лирику. Я этого не люблю (Н. Островский. Как закалялась сталь).

Раскрепощение женщин привело их в класс товарищей, уравнило в правах с мужчинами.

Существенные изменения, связанные с упразднением сословных различий, произошли в системе формул армейского речевого этикета.

Распространенными формами обращения стали формы *товарищ + фамилия* и *товарищ + должность/чин* (вместо *господин + фамилия, господин + должность/чин*).

"В связи с ликвидацией сословий и демократизацией общественно-политической жизни были административно отменены многообразные способы устного и письменного обращения. Этот лексический пласт общенародной речи был унифицирован словом *товарищ*, применительно к лицам разного пола и разного возраста. Символизируя отношения социального равенства, принадлежность к "своим", такое однообразие заметно обедняло разнохарактерные межличностные отношения" [10, с. 13].

"Чисто языковое неудобство вызывала "бесполость" этого обращения, необходимость постоянно подчеркивать пол эпитетами – уважаемый товарищ или уважаемая товарищ" [11, с. 192].

Видный русский лингвист С. И. Карцевский, очевидец событий, в своей книге "Язык, война и революция" писал: "Слово *товарищ* употребляют для лиц обоего пола; слово "товарка" не привилось и осталось в прежнем значении "подруга" [12, с. 233].

"Товарищ из прежнего значения "друг" становится синонимом слова "коллега", затем – коллега по убеждению, сочлен по партии, еще дальше становится синонимом коммуниста и, в то же время, своего рода официальным обращением, вроде "господин" или "госпожа": *товарищ комиссар, товарищ политком* и т.д. Отсюда возможность такого обращения к современным чиновникам со стороны просителей из простого народа, как *господин товарищ*, где "товарищ" означает только "чиновник"; или шуточное *товарищ барышня* в столовых и кафе. Наконец, в устах "буржуа" слово *товарищ* чуть ли не бранное слово" [12, с. 242].

Слово “товарищ” в годы революции и первых послеоктябрьских лет не было универсальным и нейтральным обращением и номинацией. В его употреблении характерна резкая субъективно-оценочная поляризация. На факт субъективно-оценочного “разночтения” и переосмысления слов товарищ и господин, вызванного социальными причинами, указал в свое время Л.В. Щерба [13, с. 29-30].

Пожалуй, ни о каком другом слове не писали в 20-е годы так много, как о слове “товарищ”. Ярким примером неодинакового отношения представителей разных политических партий к смысловому преобразованию слова товарищ является приведенная в статье Г. Беуса о языке революции (“Чье поле – того и воля”) выдержка из статьи политического эмигранта князя С. Волконского “Русский язык”: “Слово товарищ! Какое прекрасное, священное слово! Товарищ по школе, товарищ по полку, товарищ по несчастью... Что же сделали из него? Незнакомый к незнакомому подходит: “Товарищ, дай закурить”. Чекист обыскивает вас: “Ну, товарищ, выворачивайте ваши карманы”. Оно превратилось в совершенно бессодержательное обращение – вылущенное, выпотрошенное слово”.

Примечателен комментарий автора статьи: здесь, в сущности, определены границы употребления слова товарищ: “Что у Волконского сняты школы, полки и многое другое – это мы твердо знаем, что в эмиграции сидят “товарищи по несчастью” – это тоже верно, ну, а насчет чекиста, обращающегося к белогвардейцу со словом “товарищ”, – этому уж, извиняемся, позвольте не поверить” [14, с. 73].

Борцы за Советскую власть относились к слову товарищ с сердечным трепетом, для них оно – свято; для них оно – привычное и единственно возможное обращение в сфере людей новой формации. Но когда это слово произносят идейные противники, предатели, народ негодует: [Сергеев:] (ползает на коленях, хватая за сапоги) Братцы, товарищи – родные мои – [1-й красноармеец:] Какие мы тебе товарищи... и-ди – (А. Серафимович. Марьяна). Прибежал директор с злобно перекошенным лицом, заорал, затопал, но толпа с ревом надвинулась на него, он сразу осел и заговорил с собачьей ласковостью: – Товарищи рабочие... – Кобель тебе товарищ. – Кровосос! (А. Серафимович. История одной забастовки). [Панова:] За что у вас, товарищ Яровая, ко мне такое отношение? – [Любовь:] Я не товарищ вам и никакого отношения к вам... (К. Тренев. Любовь Яровая).

“В мае-июне (1918 г.) – писал А. Баранников, – слово товарищ стало обозначать только солдат и рабочих, а несколько позднее – только большевиков и полнее” [15, с. 80].

В первые годы после революции употребление и неупотребление слова товарищ, отношение к нему было показателем политической позиции, отношения к Советской власти.

“В годы гражданской войны по этому слову, по тому, как оно произносится, распознавали людей того или иного лагеря; противник “за это слово” порол и расстреливал советских людей” [16, с. 543]. – Нету теперь товарищей. Были, да сплыли. Мы не товарищи, а станичники. Езжай, да этим словом больше не ругайся, а то выплюют (Л. Сейфулина. Путники).

А. Серафимович в сатирической комедии “Именины в 1919 году” (1920 г.) едко изобличил приспособленчество и лицемерие насмерть перепуганных революцией буржуазных чиновников. Для характеристики персонажей писатель умело использовал художественный прием коммуникативного переключения – “подстройки”: [Жена адвоката:] Ну, садитесь, господа. – [Адвокат:] Не господа, а товарищи.

Когда же обстановка на фронте временно изменилась не в пользу большевиков, эти “товарищи” заговорили по-другому: [Адвокат:] Товарищи, я... – [Все:] (азартно) Здесь нет товарищей!.. Какие мы вам товарищи!.. Что за пошлое слово...

В.В. Маяковский сатирически клеймил мещанскую моду на советское обращение в семейных отношениях:

И вечером

та или иная мразь,

на жену,

за пианином обучающуюся, глядя,

говорит,

от самовара разморясь:

“Товарищ Надя!”

(О дряни)

Постепенно происходит переход формы “товарищ” к статусу всеобщего обращения. Как исторически переходная от старого вокатива к новому используется контаминированная форма обращения, например: [Мещанка:] Товарищ матросик, я жду! – [Матрос:] (галантно) Виноват, товарищ мадам, скачу к вам! (В. Билль-Белоцерковский. Шторм). [Годун:] До свидания, барышня – [Ксения:] Штраф! Не барышня, а товарищ. – [Годун:] До свидания, товарищ барышня (Б. Лавренев. Разлом). *Стой, говорю, стой, господин товарищ! Караул! Разбой! Ограбили! Вот он, вон он, держи его!* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Контаминированные формы образуются в условиях столкновения норм или в результате безразличия к форме обращения: Ср.: у М.А. Шолохова: – Вот привел к вам на квартиру товарища советского сотрудника. Он прибывши из города и будет у вас ночевать. Дайте ему повечерять, дедушка. – Оно, конечно, мы не прочь, – сказал дед. – А мандаты у вас имеются, господин товарищ? (Нахаленок).

У малограмотных людей старшего поколения, переживших революцию, трудности привыкания к обращению “товарищ” были обусловлены и общими трудностями перестройки сознания (привыкнуть к положению о равенстве людей в обществе) и номинативными значениями этого слова, подчеркивающим признаки близости и равноценности. По норме старого употребления “товарищ” включало компонент “равный по положению, возрасту”, что вызывало языковое сопротивление в отношении к его универсальному применению. В словаре В.И. Даля так, например, объясняется значение слова “товарищ”: товарищ – дружка, сверстник, ровня в чем-либо, одноклассник, помощник, сотрудник, соучастник. Даль приводит примеры употребления этого слова. Среди них много пословиц, поговорок: Пеший конному (сытый голодному) не товарищ. Гусь свинье не товарищ. Иван Марье не товарищ. Бедный богатому не товарищ. Черт попу не товарищ [17, с. 409].

Приведем пример из художественного произведения несогласия с новой формой обращения пожилого человека: Глазам не верим мы. Вот тебе Марья! Хотя бы покраснела разок... Так и кроет всех “товарищами”. Пришел раз Климов, старик, она и ему такое слово: – Что угодно, товарищ? А он терпеть не мог этого слова – лучше на мозоль наступи. Хотя, говорит, ты и волостной член, ну, я тебе не товарищ (А. Неверов. Марья-большевичка).

“Сложный и длительный путь “привыкания” к новому характеру обращения был свойственен и средним городским слоям, находившимся до какой-то поры в стороне от активного участия в общественной жизни. Его также отразила художественная литература” [18, с. 79].

Для малой части общества было характерно безразличное отношение к новым формам обращения, их приспособительная тенденция демонстрирует историческое сосуществование двух коммуникативных кодов этикета. Например: – Ты сам, посуди, господин хороший... – Не господин – товарищ – поправил я. – Ну, товарищ, все одно, – согласился он невозмутимо (Дм. Фурманов. Мятёж).

В связи с неуверенностью в социально-политической принадлежности адресата речи возникают затруднения в выборе обращения: [Третий:] Да ты зубы не заговаривай. – [Четвертый голос:] Свои вылетят. – [Швандя:] Да вы тов... бра... граж... граждана, скажите, вы белые аль обратно? (К. Тренев. Любовь Яровая). [Человек:] Помилуйте, товарищ военный. [Галаньба:] Що? Товарищ? Кто тут товарищ? [Человек:] Виноват, господин военный. [Галаньба:] Я тебе не господин. Господа с гетманом в городе все сейчас. И мы твоим господам кишки повыматываем (М. Булгаков. Белая гвардия).

Г. Винокур, описывая язык первого периода нэпа (1922 – 23 гг.), указывал на устойчивый характер дифференциации таких обращений, как “гражданин”, “товарищ”, “господин”, “мусью”. Признавая, что эта дифференциация дана уже в самой традиции, Г. Винокур отмечает, что немаловажным фактором ее устойчивого характера являются сознательные усилия со стороны говорящих. [18, с. 125-126].

Таким образом, выбор нужной формы обращения в рамках нормального бытового разговорного языка в этот период, в отличие от острых конфликтных ситуаций первых послеоктябрьских лет, основывался не только на идейно-политических мотивах, но и на сознательных стилистических поисках. “И здесь уже, – пишет Г. Винокур, – первые проблески культуры языка, первое условие возникновения технологическо-речевых интересов” [18, с. 125].

Эти усилия говорящих по дифференциации обращений иллюстрирует художественная литература 20-х годов: – Слушай, – говорю я раз Полиевкту, – как бы мне это звать ладнее тебя: товарищем звать – обидишься, поди, отцом назвать – мне не с руки. – Ни мне, ни тебе! – ответил монах. Зови Полиевктом! – А грубовато словно выходит? А? – Ништо... Только “товарищем” звать не надо – какой я есть товарищ? Я поглядел ему сочувственно в серое лицо и в самом деле понял, что звать монаха товарищем – что селезня волом (Дм. Фурманов. Морские берега).

Период нэпа был отмечен, хоть и временной и ограниченной, но все же реставрацией дореволюционных обращений: к этому периоду изменился характер оценки новых форм обращения, сфера их применения. Г.О. Винокур писал: “Интересна судьба слова “товарищ”. Слово это лишилось своей универсальности, потеряло оно также то специфическое презрительное значение, с каким оно употреблялось в буржуазных кругах. Теперь гораздо чаще говорят “рабочий” или “коммунист” – с этим недоброежелательным оттенком, чем “товарищ”. С другой стороны, воскрес “гражданин” весны 1917 года. “Гражданином” “чижик” (представитель чрезвычайной жилищной комиссии) назовет “нэпмана”. Если же вы служите, то будете поименованы тем же “чижилом” “товарищ”. На процессе правых эсеров Луначарский обмолвился по адресу подсудимого Гендельмана: “товарищ”. Подсудимые засмеялись, а сидевшие в публике коммунисты нахмурились. Помимо “гражданина” воскрес также “господин”. Так говорят в ресторане, в крупном гастрономическом магазине. Но в “Казино” – игорном зале – и в кондитерской на Кузнецком говорят “Мусью” [18, с. 124-125].

Итак, речевой этикет дореволюционной России, построенный на оппозиции “господин (сильный) – подчиненный (слабый)”, сменился после революции на речевой этикет, выражающий оппозицию “свой (единомышленник) – не свой (чужой, попутчик)”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. Культура языка. – М.: Федерация, 1929.
2. Филлин Ф.П. Советской русистике 50 лет. – М.: Наука, 1967.
3. Костомаров В.Г., Шварцкопф Б.С. Об отношении говорящих к языку // Вопросы культуры речи. Вып. 7. – М., 1966.
4. Винокур Т.Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка – М.: Наука, 1968.

5. *Копыленко М.Н.* Об этике обращения // Сборник страноведения и преподавания русского языка иностранцам. – М., 1972.
6. *Баранников А.* Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Ученые записки Самарского ун-та. Вып. 2-й. – Самара, 1919.
7. *Карцевский С.И.* Язык, война и революция. – Берлин, 1923.
8. *Селищев А.И.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917 – 1926). – М.: Работник просвещения, 1928.
9. *Ветвицкий В.Г.* О семантических неологизмах в русском языке первого послеоктябрьского десятилетия // Вестник Ленинградского ун-та. – № 20, серия истории языка и литературы, 1967.
10. *Луцева О.А.* Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох (конец XIX – первая четверть XX века). – АКД. Таганрог, 1999.
11. *Панфилов А.К.* Уважаемый товарищ или уважаемая товарищ? // Вопросы культуры речи. Вып. 6. – М., 1965.
12. *Карцевский С.И.* Из лингвистического наследия. Языки русской культуры. – М., 2000.
13. *Щерба Л.В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.
14. *Беус Г.* (Чье поле – того и воля) – заметки о языке революции // Коммунистическая революция. – № 7. – 1928.
15. *Баранников А.* – там же.
16. *Боровой Л.Я.* Путь слова: – М.: Советский писатель, 1974.
17. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.4, р-х. – М., 1955.
18. *Винокур Г.О.* – там же.

SUMMARY

The article is devoted to the functioning of manner phrases in the fiction of the 1920s.